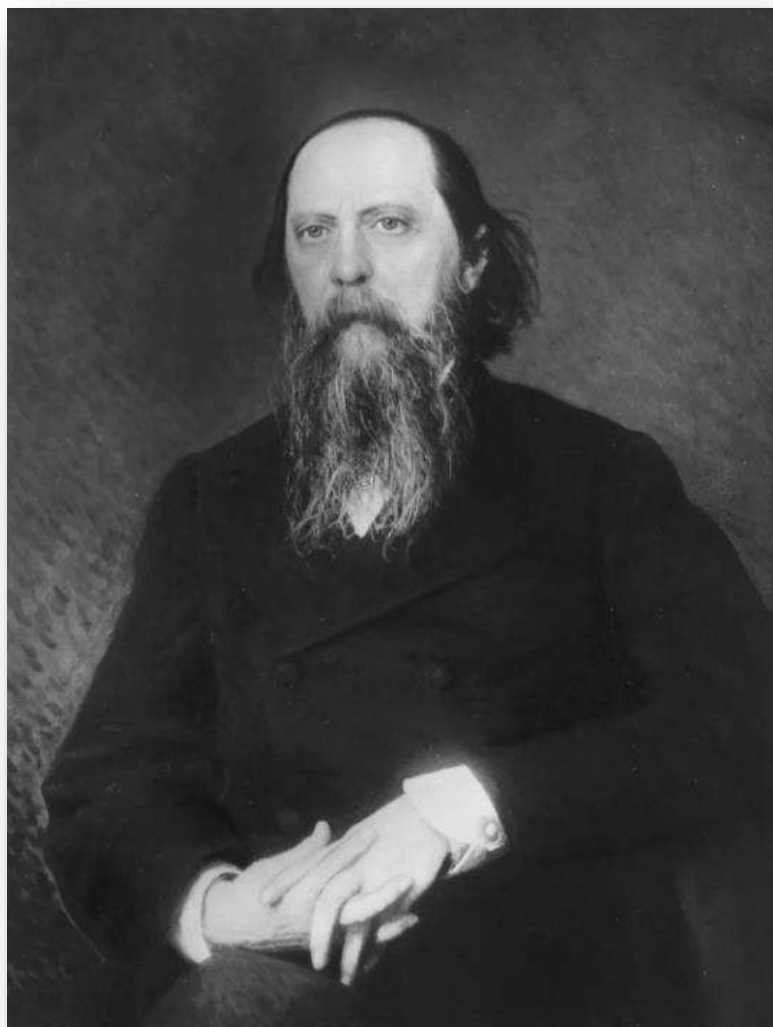

**200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ,
ПУБЛИЦИСТА, КРИТИКА**

**МИХАИЛА ЕВГРАФОВИЧА
САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

(1826–1889)

Михаил Салтыков-Щедрин учился в Царскосельском лицее и мечтал стать «наследником» Пушкина. Из-за того, что он совмещал литературу с государственной службой, писателю пришлось взять псевдоним. Салтыков-Щедрин 16 лет проработал редактором журнала «Отечественные записки». Он прославился как автор «Губернских очерков», сатирического романа «История одного города» и «Сказок для детей изрядного возраста», в которых высмеивал чиновников и помещиков.

**«Помню, что меня секут...
секут как следует, розгою»: детские годы.**

Михаил Салтыков родился 15 января 1826 года в селе Спас-Угол, в Калязинском уезде Тверской губернии (сейчас – Московская область). Его отец Евграф Салтыков работал чиновником Московского архива иностранной коллегии. В 1816 году он ушел в отставку и поселился в семейной усадьбе. Мать Ольга Забелина происходила из купеческой семьи. Она занималась воспитанием детей, которых в семье было девять. Забелина строго наказывала их за любую провинность. Салтыков писал в поздние годы: *«А знаете, с какого момента началась моя память? Помню, что меня секут... секут как следует, розгою... Было мне тогда, должно быть, года два, не больше».*

Фамилия Салтыков-Щедрин была псевдонимом писателя. Он печатал свои произведения под именем «надворного советника Николая Щедрина». По

одной из версий, взять такой псевдоним предложила жена Салтыкова-Щедрина, поскольку в своих произведениях он был очень щедр «на всякого рода сарказмы». По другой – он позаимствовал фамилию у кого-то из знакомых.

С трех лет Салтыков-Щедрин наблюдал, как занимаются его старшие братья и сестры. Поэтому уже в раннем детстве он хорошо разговаривал по-французски и по-немецки. С шести лет будущего писателя учил грамоте крепостной художник Павел Соколов, а латынь ему преподавал священник из соседнего села Заозерье. К поступлению в учебное заведение Салтыкова-Щедрина готовила и сестра Надежда, выпускница института благородных девиц.

«Начал писать стихи, за которые был часто наказываем»: учеба в Царскосельском лицее

В августе 1836 года Салтыков-Щедрин успешно сдал экзамены и поступил сразу в третий класс Московского дворянского института. В этом закрытом учебном заведении для детей российских дворян воспитывались поэт Василий Жуковский, драматург Александр Грибоедов, писатель Михаил Лермонтов. Учился Салтыков-Щедрин на отлично. Каждые полтора года институт переводил двух лучших воспитанников в Царскосельский лицей, где раньше учился Александр Пушкин. В 1838 году туда отправили и Салтыкова-Щедрина.

В 1830-х годах Николай I реформировал Царскосельский лицей – теперь он напоминал военное учебное заведение. Здесь ввели строгий солдатский

режим, отдельные комнаты перестроили в казармы. В те годы в лицее учились в основном дети военных. С общими комнатами и режимом Салтыков-Щедрин был знаком еще с Дворянского института, но соблюдал военную дисциплину с трудом, да и среди аристократов чувствовал себя одиноким.

«Как ловко сидели на них «собственные» мундиры и курточки! Как полны были их несессеры всякого рода туалетными принадлежностями! Как щедро платили они дядькам! с какою непринужденностью бросали деньги на пирожки и другие сласти! с какою грацией шаркали ножкой перед воспитателями и учителями!.. У меня не было ни собственного мундира, ни собственной шинели с бобровым воротником. В казенной куртке, в холодной казенной шинельке, влачил я жалкое существование, умываясь казенным мылом и причесываясь казенною гребенкою. Вид у меня был унылый, тусклый, не выражавший беспечного доверия к начальству, не обещающий в будущем ничего рыцарского...»

Михаил Салтыков-Щедрин,
книга очерков «В больнице для умалишенных», 1872 год

Все свободное время Салтыков-Щедрин проводил в уединении. Он сочинял стихи, переводил зарубежных поэтов, читал книжки, журналы и мечтал стать «наследником» Пушкина. Сокурсники смеялись над начинающим поэтом и дразнили его «умником». Новое лицейское начальство тоже не приветствовало занятия литературой, поэтому Салтыков-Щедрин прятал свои сочинения в сапоги, но их всего равно находили. Он вспоминал: *«Я начал писать стихи, за которые был часто наказываем».*

В 1842 году журнал «Библиотека для чтения» напечатал стихотворение Салтыкова-Щедрина «Лира», еще несколько его сочинений вышло в «Современнике». Однако критики считали его стихи слабыми, а сам Салтыков-Щедрин позднее писал: *«Я безразлично пародировал и Лермонтова и Бенедиктова; на манер первого скорбел о будущности, ожидавшей наше «пустое и жалкое поколение»; на манер второго – писал послания «К Даме, Очаровавшей Меня Своими Глазами».* В 1844 году он разочаровался в себе как в поэте и больше стихов не писал.

«Пятницы» Петрашевского, собственный кружок и первые повести

Леонид Непомнящий. Прокказы будущего (фрагмент). Из серии иллюстраций к произведениям Михаила Салтыкова-Щедрина. Вятский художественный музей имени В.М. и А.М. Васнецовых, Киров

Галина Шулепина. На петербургской улице (фрагмент). Из серии «По местам Михаила Салтыкова-Щедрина». 1975. Новолadoжский историко-краеведческий музей, Новая Ладога, Ленинградская область

Леонид Непомнящий. Либерал (фрагмент). Из серии иллюстраций к произведениям Михаила Салтыкова-Щедрина. Вятский художественный музей имени В.М. и А.М. Васнецовых, Киров

Салтыков-Щедрин окончил лицей в 1844 году. В его аттестате были отмечены успехи в учебе, особенно *«в законе божием, статистике и русской словесности»*. Однако из-за неидеального поведения он получил чин ниже, чем остальные, и стал не титулярным советником, а коллежским секретарем, то есть мог занимать низшие руководящие должности, но не получил пока личное дворянство. Осенью того же года он поступил на службу в Канцелярию военного министерства.

Жил Салтыков-Щедрин бедно, в съемных квартирах. Однако он часто ходил в театры и оперу, а позднее писал в цикле автобиографических очерков *«Мелочи жизни»*:

«Иногда, ради билета в театр, я вынуждался заменять скромный кухмистерский обед десятикопеечной колбасой с булкой». В 1845 году Салтыков-Щедрин начал посещать собрания, которые по пятницам устраивал у себя дома его лицейский друг – философ-социалист Михаил Петрашевский. На этих встречах обсуждали работы французских утопистов Шарля Фурье и Этьена Кабе, принципы *«свободы, равенства и братства»*, Великую французскую революцию 1789 года, отмену крепостного права. Позднее

Салтыков-Щедрин вспоминал: «Я <...> примкнул к западникам <...> к тому неизвестному кружку, который инстинктивно прилепился к Франции. <...> Оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас... Мы не могли без сладостного трепета помыслить о «великих принципах 1789 года» и обо всем, что оттуда проистекало».

Через два года Салтыков-Щедрин и его друзья – публицист-экономист Владимир Милютин и литературный критик Валериан Майков – перестали посещать «пятницы» Петрашевского и образовали собственный кружок. Они видели противоречия между идеями утопистов, Петрашевского и российской реальностью. Их Салтыков-Щедрин и описал в своей первой повести «Противоречия». Вскоре ее напечатали в журнале «Отечественные записки». Писатель посвятил это произведение своему другу Милютину, а в главном герое Андрее Нагибине описал типичный характер русского интеллигента сороковых годов, который не находил своего места: *«Я и не утопист, потому что утопию свою вывожу из исторического развития действительности, потому что населяю ее не мертвыми призраками, а живыми людьми, имеющими плоть и кровь, и не консерватор... потому что не хочу застоя, а требую жизни, требую движения вперед».*

Произведение построено на дневниковых записях Нагибина и его возлюбленной Тани. В них он рассуждал об отношении человека к действительности, к жизни, к природе, к другому человеку, а также о способах преобразования самодержавно-крепостнического строя и в итоге запутался в противоречиях собственной мысли.

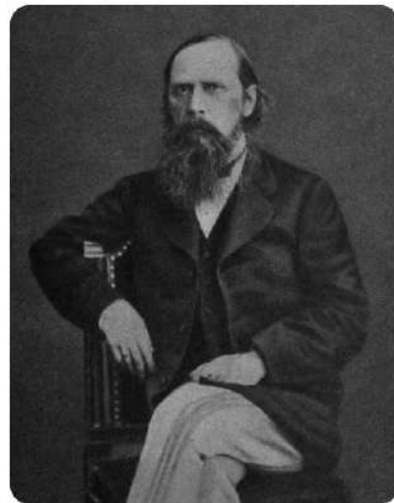
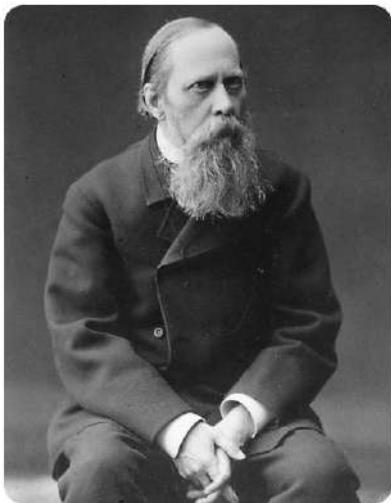
В 1848 году Салтыков-Щедрин написал свою вторую повесть «Запутанное дело». В ней он вслед за писателями Николаем Гоголем и Федором Достоевским создал свой образ маленького человека. Его герой Иван Мичулин – выходец из небогатой дворянской семьи. Он, по словам литературоведа Константина Тюнькина, «вовсе не мыслитель и не деятель, просто ищет своего места под солнцем и, оказавшись лишним «на пиру жизни», погибает, так и не поняв, зачем искал, страдал, чувствовал – зачем жил».

В «Запутанном деле» Салтыков-Щедрин создал двух персонажей – Алексиса Звонского и Вольфганга Беобахтера — по прототипам петрашевцев Алексея Плещеева и Николая Спешнева. И если Звонской лишь отличался «анонимной восторженностью» по поводу февральской революции во Франции, то

Беобахтер требовал неперменного «ррразрушения» самодержавно-крепостного строя в России. А когда Мичулин пришел к ним со своим «запутанным делом», персонажи посоветовали ему прочесть «крохотную книжонку из тех, что в Париже, как грибы в дождливое лето, нарождаются тысячами». Так главный герой тоже задумался об общественной несправедливости и ему начал грезиться «обаятельный дым» восстания. Поэтому когда Салтыков-Щедрин захотел напечатать повесть в «Современнике», ему отказали. Редактор журнала Иван Панаев писал: «Пусть лучше автор отдаст в другой журнал, там авось пропустят. А цензура в «Современнике» такую повесть не только запретит, но еще и гвалт поднимет». И повесть опубликовали в «Отечественных записках».

В то же время шеф жандармов граф Алексей Орлов представил Николаю I доклад «О журналах «Современник» и «Отечественные записки». Граф был испуган новой революцией во Франции и предлагал привести «к общему знаменателю» издания, которые позволяли себе «вредное направление». Император создал особый секретный комитет и приказал донести ему «с доказательствами где найдет какие упущения цензуры и ее начальства и которые журналы и в чем вышли из своей программы». Комитет приступил к «ревизии русской литературы» и обратил внимание на повести Салтыкова-Щедрина.

***«Скитальческая жизнь в глухом краю»:
ссылка в Вятку***

Салтыков-Щедрин только получил повышение до титулярного советника, когда 20 апреля 1848 года в его квартире появился жандарм с предписанием ехать в какую-то «северную трущобу». Писателя выслали на службу в Вятку. Он прожил там до ноября 1855 года, и все это время ему было запрещено писать.

«Связи с прежней жизнью разом порвались; редко кто обо мне вспомнил, да я и сам не чувствовал потребности возвращаться к прошедшему. Новая жизнь со всех сторон обступила меня <...> Целых восемь лет я вел скитальческую жизнь в глухом краю. И возлежал на лоне у начальника края, и был отметаем от оного; был и украшением общества, и заразою его; и удачи, и невзгоды — все испытал, что можно испытать на страже обязательной службы, среди не особенно брезгливых по служебной части коллег. Конца этому положению я не предвидел. Сначала делал некоторые попытки, чтобы высвободиться, но чем дальше шел вглубь, тем более и более обживался».

Михаил Салтыков-Щедрин,
цикл очерков «Мелочи жизни», 1887 год.

В Вятском губернском правлении Салтыков-Щедрин служил младшим чиновником. Но уже через два месяца губернатор назначил его своим старшим чиновником для особых поручений. Писатель расследовал мелкие дела — например, «о злоупотреблениях в Вятской городской полиции по заготовлению арестантской одежды». Он много работал, стал постоянным посетителем дома губернатора и светских салонов. В 1849 году составил отчет по управлению Вятской губернией за прошлый год — его представили министру внутренних дел. А в 1850 году Салтыков-Щедрин подготовил «Вятскую выставку сельских произведений». Министерство государственных имуществ назвало ее «одною из наиболее изобильных, благоустроенных и поучительных во всей империи». Вскоре писателя назначили советником Губернского управления. Он возглавил хозяйственное отделение, усмирал крестьянские бунты и ездил со следственными делами по Вятской, Пермской, Казанской и Нижегородской губерниям. Так Салтыков-Щедрин наблюдал за крестьянской и чиновничьей жизнью, которую впоследствии описал во многих своих произведениях.

В 1851 году в Вятку приехал новый вице-губернатор Аполлон Болтин. Вскоре Салтыков-Щедрин сблизился и с ним, часто бывал в гостях и влюбился в одну из дочерей чиновника – Елизавету.

Он писал: *«То была первая свежая любовь моя, то были первые сладкие тревоги моего сердца!»*.

Вскоре губернатора с семьей перевели во Владимир, и перед их отъездом писатель попросил у Болтина руки его дочери, но тот посчитал, что Елизавета еще слишком юна, и отложил ответ на год. Болтин разрешил помолвку только в апреле 1855 года.

Салтыков-Щедрин несколько раз писал императору и просил освободить его из ссылки за хорошую службу. За писателя хлопотали родители и друзья, однако ответ был один – *«рано»*.

18 февраля 1855 года скончался Николай I. А в сентябре в Вятку приехал генерал-адъютант Петр Ланской — двоюродный брат министра внутренних дел Сергея Ланского – с женой Натальей Гончаровой-Пушкиной. Им представили Салтыкова-Щедрина как талантливого человека и бывшего лицеиста, который, подобно Пушкину, испытал на себе немилость императора. Вскоре Ланской написал брату официальное письмо, в котором просил «исходатайствовать» Салтыкову-Щедрину «всемилоостивейшее прощение». 12 ноября министр внутренних дел доложил о писателе Александру II, и тот приказал «дозволить Салтыкову проживать и служить, где пожелает».

«Писал и служил, служил и писал»: возвращение в Петербург

Салтыков-Щедрин выехал из Вятки 24 декабря 1855 года. Он погостил на родине у матери, съездил к невесте во Владимир и 14 января 1856 года наконец добрался до Санкт-Петербурга. Там он устроился в Министерство внутренних дел и служил под начальством Николая Милютина, тогда директора хозяйственного департамента. А 6 июня 1856 года писатель обвенчался с Елизаветой Болтиной в Москве в Крестовоздвиженской церкви на Воздвиженке. Однако из родственников на свадьбе со стороны Салтыкова-Щедрина присутствовал лишь младший брат Илья. Мать не одобряла этот брак и лишила сына материальной поддержки. Через год после свадьбы она писала

другому своему сыну Дмитрию: *«Да что делать ныне матери в отставке, только дай, а более и знать не хотим. Коллежский советник... с голой барыней своей. Вот ворона-то залетела в барские хоромы, ну да работай, пиши статьи, добывай деньги ради барыни».*

В это время Салтыков-Щедрин активно занялся литературой. Как сам он вспоминал в свои поздние годы, «писал и служил, служил и писал». В 1856–1857 годах он создал «Губернские очерки» – цикл о провинциальной России, которую писатель досконально узнал за семь с половиной лет ссылки. Произведение сильно отличалось от прозы Салтыкова-Щедрина 1840-х годов. В нем, как писал литературовед Константин Тюнькин, автор представлял чиновника не как *«бедного человека, вызывающего жалость и сочувствие»*, а как *«грубого и хитрого стяжателя, хищника, паразитирующего на народном невежестве, бедности и несчастье».*

Первым, кому Салтыков-Щедрин дал прочитать очерки, стал его бывший сослуживец по канцелярии военного министерства, беллетрист и критик Александр Дружинин. Он похвалил сочинения: *«Вот вы стали на настоящую дорогу, это совсем не похоже на то, что писали прежде».* Однако писатель опасался печатать обличительные очерки в «Современнике» и в 1856 году начал публиковать их в новом московском либеральном журнале «Русский вестник». «Губернские очерки» быстро стали популярны, Салтыкова-Щедрина называли наследником Николая Гоголя.

В 1858 году Салтыкова-Щедрина назначили вице-губернатором Рязани, а через два года перевели в Тверь. На службе он боролся со взяточничеством и воровством. Параллельно писатель печатал «Невинные рассказы» и «Сатиры в прозе», а также статьи по крестьянскому вопросу в журналах «Русский вестник», «Современник» и «Библиотека для чтения».

В 1862 году писатель вышел в отставку, переехал в Петербург и стал редактором «Современника» – его пригласил поэт и писатель Николай Некрасов, который на тот момент руководил журналом. Каждый месяц Салтыков-Щедрин выпускал обозрение «Наша общественная жизнь», но через два года покинул редакцию из-за внутренних разногласий и вернулся на государственную службу. В 1865–1868 годах он возглавлял Казенные палаты в Пензе, Туле и Рязани. В то же время Салтыков писал памфлеты-гротески, в которых начальники этих мест узнавали себя. Из-за этого у писателя часто возникали конфликты с местными властями, и ему приходилось менять место

службы. Но после жалобы рязанского губернатора в 1868 году его окончательно отправили на пенсию. А в 1869-м Салтыков-Щедрин выпустил «Письма о провинции», в которых рассказал о своих наблюдениях за жизнью этих городов.

***«Вершина сатирического искусства»:
роман «История одного города»***

Александр Самохвалов. Иллюстрация к главе «Органчик» из романа Михаила Салтыкова-Щедрина «История одного города». 1933. Тверская областная картинная галерея, Тверь

Александр Самохвалов. Иллюстрация к главе «Сказание о шести градоначальниках. Картина глуховского междоусобия» из романа Михаила Салтыкова-Щедрина «История одного города». 1933. Тверская областная картинная галерея, Тверь

Александр Самохвалов. Иллюстрация к главе «О корени происхождения глуповцев» из романа Михаила Салтыкова-Щедрина «История одного города». 1933. Тверская областная картинная галерея, Тверь

С конца 1860-х Михаил Салтыков-Щедрин сосредоточился на литературе. Он переехал в Петербург и принял приглашение Николая Некрасова стать соредактором журнала «Отечественные записки». А в 1869 году начал по частям печатать «Историю одного города». Это произведение литературоведы называли вершиной его сатирического искусства. В романе автор в ироничном тоне описал жизнь в вымышленном городе Глупове, а также высмеял деятельность градоначальников и его приближенных, которые в разное время там правили. Прототипами некоторых героев были императоры Петр I, Петр III, Павел I, Александр I, Николай I, а также государственные деятели Михаил Сперанский и граф Алексей Аракчеев.

В 1870 году произведение вышло отдельным изданием. Русский писатель Иван Тургенев похвалил книгу и отметил, что в ней отражена «сатирическая история русского общества во второй половине прошлого и начале нынешнего столетия». А публицист Алексей Суворин, напротив, выпустил статью «Историческая сатира», где писал, что Салтыков-Щедрин глумится над русским народом и искажает исторические факты. На это сатирик ответил: *«Я же, благодаря моему создателю, могу каждое свое сочинение объяснить, против чего они направлены, и доказать, что они... направлены против тех проявлений произвола и дикости, которые каждому честному человеку претят».*

«Его сказки – та же сатира, и сатира едкая»

Виталий Окунь. Иллюстрация к сказке Михаила Салтыкова-Щедрина «Как один мужик двух генералов прокормил».

1986. Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств, Ижевск

Виталий Окунь. Иллюстрация к сказке Михаила Салтыкова-Щедрина «Самоотверженный заяц». 1988. Башкирский государственный художественный музей имени М.В. Нестерова, Уфа

Виталий Окунь. Иллюстрация к сказке Михаила Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик». 1986. Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств, Ижевск

В 1869 году Салтыков-Щедрин создал свои первые сказки «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» и «Дикий помещик». В них писатель снова высмеивал помещичье-бюрократическую систему и воспевал крестьянский труд. Его сказки напоминали басни: в них были подтекст, мораль и много иносказаний.

В декабре 1882 года Салтыков-Щедрин вернулся к этому жанру и подготовил к февральской книжке «Отечественных записок» три сказки – «Премудрый

пискарь», «Бедный волк» и «Самоотверженный заяц». Они уже больше напоминали русские народные сказки о животных, но в то же время несли социально-политический смысл. Тогда же «Отечественные записки» уже начали получать предупреждения о цензуре. Поэтому Салтыков-Щедрин решил выпустить эти три сказки только через два года. К произведениям он добавил подзаголовок: «для детей изрядного возраста». Один из цензоров писал: *«То, что г. Салтыков называет сказками, вовсе не отвечает своему названию; его сказки — та же сатира, и сатира едкая... направленная против общественного и политического нашего устройства»*. Вторую и третью серии сказок цензура не пропустила, а в апреле 1884 года «Отечественные записки» закрыли за «вредное направление». Сборник «Сказки», цикл очерков «Мелочи жизни» и автобиографический роман «Пошехонская старина» Салтыков-Щедрин публиковал уже в журнале «Вестник Европы». Но не все сказки вышли в печать при жизни автора. Параллельно писатель создавал романы «Современная идиллия» и «Господа Головлевы», а также цикл «Пошехонские рассказы».

В начале 1870-х у Салтыкова-Щедрина родились двое детей – Константин и Елизавета. Дочь его друга Софья Унковская вспоминала: «Издавая свои сочинения, всегда мечтал составить капитал не менее как в 300 тысяч, чтобы обеспечить жену, сына и дочь, и это ему удалось. К концу жизни капитал его как раз равнялся этой цифре, который он разделил между тремя».

С 1875 года писатель тяжело болел. В последний год жизни он писал: «Не проходило почти ни одного дня, в который я мог бы сказать, что чувствую себя изрядно. Постоянные болезненные припадки и мучительная восприимчивость, с которою я всегда относился к современности, положили начало тому злему недугу, с которым я сойду в могилу». А закрытие «Отечественных записок» и болезнь сына окончательно сломили его. И тем не менее писатель трудился до последнего: за несколько дней до смерти он начал писать произведение «Забывшие слова».

Салтыков-Щедрин считал, что все литераторы, особенно схожих взглядов, должны покоиться на Волковском кладбище. Здесь были похоронены писатели Александр Радищев, Виссарион Белинский, Николай Добролюбов, Дмитрий Писарев, Иван Тургенев. Поэтому в 1878 году он рассердился, когда Николай Некрасов, согласно завещанию, был погребен на кладбище петербургского Новодевичьего монастыря, а не на Волковском «со своими».

Михаил Салтыков-Щедрин умер 10 мая 1889 года в Петербурге. По завещанию его похоронили рядом с Иваном Тургеневым на Волковском кладбище